

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варягъ“ — победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга“»

На основе оригинального таймлайна
Мир «Варяга»-победителя–2 (МПВ-2)

Больше «Варягов»! Хороших и разных!

Глеб Дойников

Пролог

Владивосток. Японское море.

Июнь — июль 1904 года

В начале июня у хозяина заведения «У дедушки Ляо», у самого дедушки Ляо, был самый удачный день в его карьере. Его портняжная мастерская, благодаря удачному расположению у порта, была наиболее популярна у морских офицеров. Впрочем, не менее благоприятным для потока клиентов был и тот факт, что у единственного портного, который мог бы составить конкуренцию по уровню цен и качеству работы, недавно сгорела мастерская.

Но такого «улова» у Ляо отродясь не бывало. Этим утром в его приемную вошли сразу *два* русских адмирала. Правда, сам он уже давно не занимался сбором информации. Ее потока из организованных им публичных домов и от сети соглядатаев из числа торговцев и наемной прислуги был вполне достаточно. Теперь его персональная роль заключалась в анализе добытых сведений и корректировке заданий агентуре. Однако соблазн оказался слишком велик, да и как мог хозяин заведения не выйти самолично к двум столь уважаемым персонам?

Когда в одном из клиентов Ляо узнал Руднева, на долю секунды ему прямо-таки нестерпимо захотелось заварить этому господину «особого чайку». Того, который он использовал для устранения отработавших

свое агентов. Но строжайшая инструкция генерального штаба — никаких убийств офицеров противника, а самое главное — желание сперва послушать, о чем будут беседовать между собой вражеские адмиралы во время долгой процедуры примерки, перевесили мгновенный душевный порыв.

* * *

После первых фраз же Руднева Ляо понял: его настойчивые молитвы наконец-то услышаны богами, а сам демон с «Варяга» не только уйдет из мастерской живым и в новом пальто. Пожалуй, стоит даже приказывать всем агентам негласно беречь русского адмирала от несчастных случаев. Ибо если с ним что-нибудь случится, гэйдзины поменяют свои планы, и верный шанс окончательно разобраться с владивостокским отрядом крейсеров будет потерян. А шанс этот несоизмеримо важнее, чем удовольствие от умерщвления вражеского командующего своими руками.

Руднев же, беззаботно подставляя себя закройщикам с их мелкими, мерными лентами и булавками, продолжал оживленно болтать, обращаясь к своему спутнику, в котором Ляо без труда опознал на днях прибывшего из Санкт-Петербурга контр-адмирала Небогатова:

— Понимаю, Николай Иванович, что вам эта идея не нравится. Только боюсь, все-таки придется нам всем отрядом идти в море, чтобы обеспечить прорыв «Осляби» во Владивосток. Судя по последней телеграмме, Вирениус окончательно решил прорываться Сангаром. Не хочет рисковать навигационно в тумане у Курильских островов. И я, поплутав тут вдосталь меж камней в тумане, его вполне понимаю.

— Но, Всеволод Федорович, — перебил Руднева Небогатов, — лезть через Сангарский пролив на «Ослябе» в паре только с одной «Авророй» — чистейшее, форменное самоубийство! ВОК — другое дело. Мы всегда можем оторваться от более сильного противника, а броненосцы нас просто не догонят до темноты. Но «Ослябя»... На месте Того, прознай я о планах прорыва, подогнал бы пару первоклассных броненосцев к горлу Сангара, и все дела. Да и трех броненосных крейсеров типа «Асамы» за глаза хватило бы им, честное слово! Зачем же так рисковать?

— «Ослябя» запросто может не дотянуть до Владивостока, если пойдет к нам кружным путем. Вы качество постройки отечественного судопрома сами знаете, он же наш «углепожиратель». А что до риска... Господину Того надо, во-первых, узнать, что Вирениус пойдет именно через Цугару. Во-вторых, узнать, когда именно он там будет. А я пока и сам этого точно не ведаю.

— А как ВОК наш всем составом выйдет, так, значит, пошел встречать «Осляблю», — досадливо поморщился Небогатов. — Что тут гадать-то?

— Ну, нет. Не скажите. Мы на совместное маневрирование так и ходим — всем отрядом, и довольно часто. А потом, даже пары японских броненосцев против «Осляби» и пятерки наших броненосных крейсеров — маловато будет.

— Но если Камимура свяжет боем нас, то, учитывая степень боеготовности «Корейца» и «Витязя», бой будет не пять на пять, а, скорее, пять на три. И не в нашу пользу, Всеволод Федорович. Так что пары броненосцев Того хватит за глаза и на утопление одинокого «Осляби» с «Авророй», и на то, чтобы потом добить все, что от нас с вами остается.

— Для этого надо, чтобы и Камимура, и Того с парой броненосцев оказались в Сангарском проливе именно тогда, когда мы пойдем встречать «Осляблю». Причем каждый у «своего» входа. И в этот момент у Артура не останется практически никого, а это, согласитесь, хоть Макаров и заперт брандером, уж слишком...

Нет, любезный мой Николай Иванович, извините, но это уже не предусмотрительность, а, скорее, паранойя. Кстати, насчет готовности итальянцев. У нас с вами есть месяц-полтора. Ходить они успеют научиться. Ну, а стрелять, — развел руками Руднев, — авось и не придется...

После окончательного снятия мерок Руднев с Небогатовым покинули мастерскую. И дядюшка Ляо, и его клиенты были вполне довольны друг другом. Ляо потому, что он успевал за месяц донести до японского командования сведения о маршруте прорыва «Осляби» во Владивосток и свои соображения о правильной расстановке сил для парирования замыслов Руднева. Руднев же мысленно потирал руки от успеха наглого «слива» дезы единственному резиденту врага, о котором ему было достоверно известно.

За несколько дней до отхода его бронепоездов с вокзала Владивостока Василий сделал Петровичу прощальный подарок: вручил листочек, на котором были выписаны известные ему в XXI веке агенты японской разведки, действовавшие во Владивостоке. По выражению Балка, он «как мог подготовился к противоборству со своими японскими коллегами еще до переноса». Но настоятельно порекомендовал не отлавливать всех шпионов раньше времени, дабы в нужный момент использовать их как каналы для дезинформации противника.

* * *

Приятным сюрпризом для Руднева стало то, что возвратившейся от Хамамацу «Варяг» встречал прибывший во Владик контр-адмирал Небогатов, еще месяц назад командовавший Учебно-артиллерийским отрядом Черноморского флота. С крыла мостика крейсера узрев на пристани его плотную, кряжистую фигуру, Петрович мысленно поставил «жирный крест» в кондуите известных ему реальных проступков своих протеже: «Ну, все. Теперь ты, батенька, в моих надежных и цепких пальчиках. Как и к какому делу тебя правильно приставить, это я еще к Кодзиме подходя решил. А уж такой подставы, что ты огреб от Зиновия Петровича, от меня ты не получишь. Спокойно и честно делай то, что должно. И пусть будет, что будет...»

Информация к размышлению. Николай Иванович Небогатов. Самая, пожалуй, противоречивая фигура в русской военно-морской истории начала прошлого века. С одной стороны, проявил себя как блестящий практик и организатор. Но с другой — именно он привел Российский императорский флот к самому позорному моменту во всей его истории.

Когда после падения Порт-Артура стало ясно, что Вторая тихоокеанская эскадра осталась с японским флотом один на один, ее решили срочно усилить. Увы, на Балтике оставались лишь те корабли, от которых командир ее, Зиновий Петрович Рожественский, уже отказался. Причем мотивировал отказ тем, что они вообще не дойдут до Дальнего Востока. Но под командованием Небогатова не приспособленные для дальнего плавания броненосцы береговой обороны, вкуче со старым броненосцем и крейсером, не только дошли. Они смогли догнать вышедшую полугодом раньше основную эскадру!

При этом во время похода проводились стрельбы, учения, и по многим показателям боевой подготовки догоняющий отряд превзошел основные силы. Небогатов, хорошо знавший театр боевых действий, — он три года провел в этих водах, командуя броненосным крейсером «Адмирал Нахимов», — разработал план похода вокруг Японии, на случай если бы он не смог найти Рождественского. И не произойди встреча их эскадр у Индокитая, он до Владивостока, скорее всего, дошел бы. Увы, судьба распорядилась иначе. Эскадры встретились...

За несколько недель Зиновий Петрович подавил всяческую инициативу своего младшего флагмана, заставив того строго и неукоснительно следовать его приказам. Преданы забвению были и удачный опыт стрельб его «догоняющего отряда», и регулярные сверки дальномеров. Вместо однотонной, пепельно-серой, почти черной «боевой» окраски, которая должна была «прятать» от обнаружения врагом его корабли ночью и в сумерках — в это время суток Небогатов и планировал проходить наиболее опасные в смысле обнаружения места, — узости проливов, а также помогать им визуально теряться на фоне дыма в бою и тумана, его вновь прибывшие броненосцы и крейсер были перекрашены под идиотский дресс-код Второй тихоокеанской эскадры Рождественского¹.

В сражении у Цусимы Небогатов никак себя не проявил, не отдал ни одного приказа по своему отряду и строго выполнял приказ Рождественского, слепо «следуя за головным». После дневного боя и ночных минных атак он оказался во главе остатков эскадры:

¹Черный корпус, желтые трубы с черной каемкой. Ничего более удобного для определения расстояния, прицеливания и организации стрельбы противника Зиновий Петрович сделать, пожалуй, не смог бы, даже если бы специально такой целью озадачился.

двух броненосцев, двух броненосцев береговой обороны и бронепалубного крейсера «Изумруд». По его приказу они сдались японцам, когда их окружили одиннадцать японских кораблей линии и несколько крейсерских отрядов. Лишь «Изумруд» не выполнил преступного распоряжения своего флагмана. И, благодаря высокой скорости, сумел выскользнуть из кольца всего японского флота и уйти к Владивостоку. К сожалению, до базы он так и не добрался, выскочив в тумане на камни в заливе Владимира...

Однако, кроме известной склонности не идти до конца в безнадежной ситуации, у контр-адмирала Небогатова было одно положительное качество, которым не обладало подавляющее большинство адмиралов русского флота, если «вынести за скобки» Макарова и Чухнина. Николай Иванович умел учить людей не зверея, не подавляя их воли, самостоятельности и инициативы. Не запугивая, не доводя подчиненных до нервного срыва. Поэтому, когда Руднев задумался, кому поручить командование броненосной частью ВОКа, а себя любимого в грядущем эскадренном бою Петрович видел исключительно на быстроходном бронепалубном крейсере, он предпочел Небогатова...

А незадолго до его приезда на отряде объявился и полный антипод Николая Ивановича в плане «как поступать, когда все потеряно и никаких шансов нет». После отказа капитана транспорта «Сунгари» от командования тогда еще, как он предполагал, одноименным крейсером, Руднев вытребовал из Питера каперанга Владимира Николаевича Миклуху¹. Он принял «Витязь».

¹ В годы русско-японской войны командир ББО «Адмирал Ушаков». При отправке броненосца на театр боевых действий его хотели заменить как «выплывавшего ценз, необходимый для командования кораблем первого ранга». Но он настоял и пошел

Когда же, наконец, прибыли все моряки для команд трофейных крейсеров, собранные как с кораблей Балтики, так и с Черного моря, Петровичу оставалось лишь уповать на каждодневную учебу и еженедельные выходы эскадры в море на совместное маневрирование. Если повезет, они приведут корабли в боеспособное состояние раньше, чем им придется принимать участие в бою. А если не успеют, то доучиваться придется экстерном, под вражескими снарядами.

* * *

Во время учебных эволюций отряда на «Корейце» от неумелого обращения заклинило рулевое управление. С пути неудержимо катящегося на циркуляции крейсера каким-то чудом успел обратиться «Громобой».

в поход со своим кораблем. С начальством он держался независимо, порой дерзко, но был добр и внимателен к матросам, пресекал грубость офицеров по отношению к ним. В бою у Цусимы, ночью 15 мая 1905 года «Ушаков» отстал от эскадры из-за затоплений в носовой части. Утром его настигли два японских броненосных крейсера, каждый из которых превосходил «Ушакова» по силам раза в два. К тому времени адмирал Небогатов с остатками нашей эскадры уже спустил флаг.

Японцы подняли сигнал: «Предлагаем сдаться. Ваш флагман сдался». Миклуха, разобрав начало сигнала, воскликнул: «Дальше нам и разбирать нечего. Долой ответ! Открывайте огонь!..» «Адмирал Ушаков» отстреливался до последней возможности, и не вина его артиллеристов, что кроме одного снаряда, подбившего кормовой мостик «Ивате», серьезных попаданий в японские корабли не было. Увы, броненосец отправили на войну, не поменяв расстрелянные в учебно-артиллерийском отряде стволы орудий главного калибра. В дневном бою 14 мая они были «добиты» окончательно... Когда израненный броненосец, весь в огне, начал оседать на корму, Владимир Николаевич приказал открыть кингстоны и затопить корабль. Матросы и офицеры, бросаясь в воду и уже находясь за бортом, кричали «ура». Миклуха покинул броненосец последним. Он был ранен и умер в воде от переохлаждения и потери крови.

Разбор полетов показал, что нежные итальянские механизмы не привычны к резкому русскому обращению. И вдобавок еще один милый пустячок-бонус: таблички «право» и «лево» на вспомогательной рулевой машине были приклепаны наоборот...

Рассвирепевший Руднев, свалив всю неблагоприятную работу по обучению команд новых броненосных крейсеров на Небогатова, сам от греха подальше убрался в море на «Варяге», прихватив для компании и «Богатыря». Намедни ему вспомнилась одна из гадостей для самураев, множество которых задним числом было придумано на Цусимском форуме в его времени. Поэтому на «Богатыре» водолазы готовились к погружениям для поиска подводного кабеля, а на «Варяге» минеры под чутким руководством самого адмирала мастерили по эскизам Василия Балка гидростатический взрыватель.

Места, где подводные телеграфные кабели, по которым в Японию шли сообщения из Европы и с театра боевых действия, выходили на берег острова Цусима, были русским известны. Кроме того, Руднев знал, что в составе японского флота был и мобилизованный кабелеукладчик. Просто порвать кабель — значит оставить японцев без связи на неделю, не больше¹. Но Рудневу хотелось убить двух зайцев одним выстрелом.

Когда десантная партия с «Варяга» завершила работу на берегу, на «Богатырь» катером доволокли отрубленный конец кабеля, так что его водолазам даже

¹ С 10-го по 15 января 1904 года (за пять суток) мобилизованный кабелеукладчик министерства связи «Окинава-Мару», для маскировки перекрашенный в чёрный цвет и переименованный в «Фудзи-Мару», проложил секретную линию от Сасэбо на остров Видо (Кодзе) в заливе Пхалькупхо (Масан) на юге Кореи, где с началом войны с Россией была развернута маневренная база Соединенного флота.